

Михаил Боярский  
*Полигон 704*



# Михаил Боярский

## Полигон 704

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=23878800](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878800)*

*ISBN 9785448509278*

### Аннотация

Выжить на Полигоне без интуиции, или, если так можно выразиться, без «шестого чувства» было практически невозможно, разве быть может только первые пару часов. В результате здесь часто случалось так, что в первые часы погибали сильные, мужественные и подготовленные люди, а выживали интеллигентные дохляки и толстопузые очкарики, да и еще потом неделями отстреливали «бывалых», зарабатывая пилотки.

# Полигон 704

## Михаил Боярский

© Михаил Боярский, 2017

ISBN 978-5-4485-0927-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero  
01

Яркие языки пламени неторопливо облизывали огромную, щедро пропитанную креозотом, железнодорожную шпалу, – тепла подобное топливо приносило немного, зато полностью воспроизводило антураж ночного костра, служащего маяком для заплутавших и усталых путников, создавая для них мираж чего-то теплого и уютного, куда их манил слегка мерцающий свет догорающих поленьев.

Глядя на то, как лениво обгорает железнодорожная шпала, Евгений Семенович размышлял о том, что огонь обладает невероятной притягательной силой, действует буквально гипнотически, на тех, кто смотрит на него, и, как правило, не хочет отрываться от зрелища горящего мусора Полигона. Он пришел к мысли о том, что все дело в бесконечном разнообразии узоров, которое может рисовать на глазах на-

блюдателя пламя, так потрясающе быстро, что это вряд ли даже удастся описать математически. Напротив него, особо не размышляя о причинах гипнотизма, пляшущих языков пламени, восседало чучело, наспех сработанное им из мешка уже застывшего цемента, ивовых прутьев и полуистлевшего шерстяного шарфа, который и являлся главным связующим элементом в конструкции этой фигуры. Но самое главное в ней было то, (и это было видно на расстоянии даже в свете костра), что голову, наспех слепленную из местной никогда не высыхающей глины, украшает вполне полноценная пилотка.

Ночная прохлада все более настойчиво заявляла о своем желании познакомиться с ней поближе. Евгению Семеновичу не только хотелось погреть озябшие руки, но и, намокшие за день, ноги, а так же просушить отсыревшие носки, насадив их на палки. Однако, даже гипнотизм, невесело пляшущих на железнодорожной шпале, язычков пламени, он мог прочувствовать только через амбразуру, проделанную им в картонном ящике, в положении – лежа на полусгнившей листве, по большей части через прицельную рамку А Ка Эма, при этом, не смотря на ночной холод, изо всех сил стараясь не уснуть.

И поводов отключиться вполне хватало... Пока за исключением отдаленной и не слишком стрельбы, которая нужно

сказать, не смолкает на Полигоне ни днем, ни ночью, до ушей Евгения Семеновича не донеслось ни единого звука, и кроме голодного кота, который ловил ночную стрекозу, и быстрой, как тень, заблудившейся косули, он так никого и не увидел. А пейзаж Полигона, состоявший в основном из разломанных металлических каркасов, невысоких гор мусорного отвала и редких кустарников, особо к бодрствованию не располагал. Единственное, что мог Евгений Семенович себе позволить, – это потихоньку переваливаться с боку на бок, чтобы навсегда не отморозить пока еще дорогие ему внутренние органы.

За мгновение до выстрела Евгений Семенович вздрогнул и очнулся, сон все-таки успел принять его в свои мягкие объятия, что в местных условиях порой было равносильно смертному приговору. Глиняная голова в пилотке упала и рассыпалась на несколько частей, и конечно для стрелявшего это могло показаться не вполне естественным и насторожить даже малоопытного бойца. Несколько томительно долгих секунд Евгений Семенович не мог уловить никакого звука или движений в зоне обстрела, наконец, в тусклых бликах догорающего костра он разглядел мрачную, крадущуюся, фигуру с карабином наперевес, в зипуне, снабженном капюшоном, стянутым широким монтажным поясом, за который был, заткнут кухонный нож гигантских размеров.

Внезапно, словно на помощь Евгению Семеновичу из пле-на туч вырвался тонкий месяц, и сделал окружающий мир чуть более светлым и радостным. Фигура мгновенно остано-вилась, словно, убегающий с арены, клоун, внезапно вы-рванный из тьмы цирковым прожектором, и, похоже, замер-ла в недоумении, понимая, что каждый последующий его шаг в лунном свете будет все менее безопасным.

Поймав грудь застывшей мишени в рамку прицела, Евге-ний Семенович уже готовился нажать на спуск, как почти вдруг к нему пришла уверенность в том, что пришедшего кто-то прикрывает, и обнаружить свою огневую позицию, для стреляющего, будет смертельно опасно. Похоже, в этой ситуации не только он один пользовался приманкой...

Выжить на Полигоне без интуиции, или, если так можно выразиться, без «шестого чувства» было практически невоз-можно, разве быть может только первые пару часов... Даль-ше оставались только те, у кого в роды родов, оно дрема-ло, не будучи востребовано даже десятилетиями, но потом внезапно просыпалось, и, как ни в чем не бывало, принималось за свою сберегающую работу. В результате здесь часто случалось так, что в первые часы погибали сильные, муже-ственные и подготовленные люди, а выживали интеллигент-ные дохляки и толстопузые очкарики, да и еще потом неде-лями отстреливали «бывалых», зарабатывая пилотки.

Евгений Семенович, зная, чему он обязан своему выживанию, был послушен собственной интуиции беспрекословно, более того, он научился подключать к ней свое воображение и логическое мышление, тем самым опережая в оперативном планировании многих своих конкурентов, большинство из которых уже почили... И на этот раз он, включившись в ситуацию, смог увидеть гораздо больше, чем, к примеру, независимый зритель, сидящий в полной безопасности за монитором.

Зловещая фигура с ножом за поясом и карабином в руках, в сущности, не представляла собой никакой опасности, но служила живой декорацией с целью спровоцировать огонь на себя и таким образом вскрыть огневую позицию противника.

Евгений Семенович чувствовал, что что-то злое и опасное скрывается за видимым силуэтом – там, в темноте, вне досягаемости лунного света... Он надеялся на то, что оно себя каким-либо образом проявит или обозначит, особенно сейчас, когда видимая фигура трусливо застыла на месте, опасаясь, сделать очередной шаг вперед, но все окрест было по-прежнему тихо, и только звуки отдаленных выстрелов и приглушенные крики раненых и умирающих мешали тишине быть практически полной.

Прицел автомата измерял темное пространство в тени кустарника, из которого вышла фигура с карабином, разодетая, как флибустьер времен расцвета приватиров, Евгений Семенович даже подумал о том, что повязка на правый глаз ей явно бы не помешала. Складывалась патовая ситуация, то есть Евгений Семенович Гольцман не повелся на кухонный нож за поясом, и не выдал себя огнем, а тот, кто все это затеял, продолжал скрываться во мгле, и чего-то выжидать.

Терпение это вторая необходимая составляющая выживания в условиях Полигона, и тот, кто его сумел проявить однажды, пожав при этом некоторые положительные результаты, из которых собственная спасенная жизнь, являлся далеко не самым малозначительным, изо всех сил стремился вести себя подобным образом всегда, в любой ситуации... «Терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка.» (Иак.1:4). Евгений Семенович никогда не забывал об этом, хотя и не всегда ему удавалось воплощать это в своей мирской жизни. Однако на этот раз он решил твердо стоять на Слове Божиим.

Тем временем человек с карабином на переднем крае уже выказывал признаки нетерпения, – двигаться вперед он явно не собирался, а все остальные его действия, судя по всему,

должны были регламентироваться жесткими инструкциями, которых ему в данный момент явно не хватало. Вскоре Евгений Семенович увидел, как он, оборачиваясь назад, пытался что-то кому-то прошептать порядком осипшим голосом, тем самым указывая ему приблизительное направление расположения засады, но в ответ не услышал ничего...

Казалось чего проще, – две пули на «сердешного» с, похоже даже незаряженным карабином в руках, а потом – очередь в темноту, за ним, наугад... Авось попадем... Возможно, иной раз это бы это и сработало, однако, Евгений Семенович Гольцман, а так же все те, кто еще имел честь именовать себя выжившими в условиях Полигона, хотя бы даже пару недель, прекрасно понимали то, насколько опасно это самое слово «Авось» для тех, кто им не пренебрегает...

В эти столь много определяющие мгновения, жизнь по обе стороны Рубикона замерла, предоставляя противостоящим сторонам либо сделать выбор со всеми вытекающими из него последствиями, либо не делать того, и принять участие в том, что из этого проистекало.

Евгений Семенович прекрасно понимал то, что тот человек, который пытается поймать его сейчас в рамку прицела, в данный момент понимает гораздо больше, чем бы ему, то есть Евгению Семеновичу, хотелось. И, вполне осознавая, то, что и его сейчас выцеливает вполне опытный бо-

ещ, он ослабил поводок, тем самым оставив без инструкций своего обреченного подопечного. Таким образом, пауза затягивалась, и обоим стрелкам в этой ситуации приходилось уповать на случайность, которая в подобные моменты обязательно являла себя в своем бесконечном многообразии, но в чью именно пользу она срабатывала, без разъяснения свыше не мог сказать с точностью никто.

Случайность, повинуюсь своим, никому не ведомым таинственным законам, не заставила себя долго ожидать, причем Евгений Семенович даже не сразу поверил в свою удачу, благо, что все-таки сумел вовремя ей воспользоваться. В самый тихий момент сцены противостояния он вдруг услышал, как в темноте в ожидаемом направлении из кого-то обильно и поэтому достаточно шумно выходят скопившиеся внутри газы. Затем послышалось короткое матерщинное слово, обозначающее запутавшуюся в любовных интригах женщину, и этого Евгению Семеновичу оказалось вполне достаточно...

Стрелял он одиночными, и уже после третьего выстрела почувствовал, что цель поражена, выпустив, на всякий случай, еще одну пулю, он поднялся во весь рост из своей засады, и без страха шагнул по направлению чучела с карабином.

– Ну, что, дяденька... На этот раз не прокатило? – Его со-

беседник на вопрос никак не отреагировал, только ствол его карабина нырнул еще ниже, как бы подтверждая, собственную бесполезность.

– Ты уже не молчи, солдатик... Даю тебе время покаяться... После чего и помереть безболезненно и вполне достойно... – Понимая то, что он глубоко не прав, из-за порой невыносимо саднящей сердечной боли, Евгений Семенович все-таки не упускал случая поглумиться над, тем, кто слабее, и уже фактически побежден. Однако этот персонаж явно отказывался причислять себя к таковым.

– Кто ты такой, что бы я перед тобою каялся? Тебе жить осталось только одну минуту, и то, преодолевая боль... – Фигура перед Евгением Семеновичем отбросила в сторону погибшего бесполезный карабин, и вынула из-за пояса, сверкнувший в лунном свете, кухонный тесак размером с абордажную саблю.

В полуночном сумраке Евгений Семенович не мог разглядеть лица своего оппонента, но, слыша то, как его мужской голос срывается почти на визг, понимал то, что он действительно смертельно испуган, и от истерики его отделяет едва заметная на просвет грань, которую он на этот раз решил не разрушать.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.